

УДК 94 : 622 : 343.8 (470.13) "1929"

УХТИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ОГПУ: СТАРТ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ НЕДР ПЕЧОРСКОГО КРАЯ

THE UKHTA EXPEDITION OF THE OGPU: THE START OF INDUSTRIAL EXPLORATION OF MINERAL RESOURCES OF THE PECHORA REGION

© **Иевлев** Алексей Анатольевич, кандидат геолого-минералогических наук, руководитель Геологического музея имени А. А. Чернова Института геологии Коми научного центра УрО РАН. Контактный телефон: +7 (8212) 44 70 45.

E-mail: museum@geo.komisc.ru

© **Ievlev** Aleksey Anatolyevich, Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Head of the Geological Museum named after A.A. Chernov of the Institute of Geology of Komi scientific center of UrD RAS. Phone: +7 (8212) 44 70 45. E-mail: museum@geo.komisc.ru

Аннотация. Анализируются причины посылки в 1929 г. специальной экспедиции ОГПУ на р. Ухту. Основным фактором организации экспедиции стала реформа уголовно-исправительной системы СССР и переход на принудительное использование труда заключенных.

Ключевые слова: Печорский край, Ухтинская экспедиция ОГПУ, колонизация Севера, промышленное освоение Севера

Abstract. The reasons of sending special expedition of the OGPU in 1929 to the Ukhta-river are analyzed. The main factor of sending the expedition was the reform of the penitentiary system of the USSR and transition to use of compulsory labor of prisoners.

Keywords: the Pechora region, the Ukhta expedition of the OGPU, the colonization of the North, the industrial development of the North

Введение

21 августа 1929 г. — день прибытия на р. Ухту экспедиции ОГПУ по праву считается отправной вехой в деле широкомасштабного практического освоения полезных ископаемых обширного Печорского края. Истории экспедиции (1929-1931 гг.), её деятельности и результатам научно-поисковых и промышленных работ, приведших к созданию нефтегазовой, угольной, радиевой и гелиевой отраслей промышленности, а также возникновению новых населенных пунктов и транспортных путей в Коми АССР, посвящены многие работы учёных и краеведов [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8].

Направление экспедиции ОГПУ в район Ухты в 1929 г. обычно связывают со следующими причинами: 1) Печорский край был богат многими видами полезных ископаемых, которые необходимо было вовлечь в промышленную разработку; 2) начало индустриализации

в СССР дало старт освоению недр Коми АССР; 3) с образованием Коми автономной области в 1921 г. встал вопрос об экономической основе возникшей автономии и её индустриализации; 4) согласно постановлению ВЦИК от 14 января 1929 г. был образован Северный край, куда вошли Архангельская, Вологодская, Северо-Двинская губернии и Коми автономная область — огромная территория, требовавшая освоения её природных ресурсов; 5) создание и развитие системы ГУЛАГа способствовало индустриальному освоению Печорского края.

С высоты сегодняшнего дня, когда результаты деятельности и экспедиции, и возникшего на её базе Ухто-Печорского треста хорошо известны, эти причины выглядят убедительными. Однако эти причины не столь очевидны для того, чтобы являться основанием для посылки экспедиции на р. Ухту в 1929 г., если проанализировать положение дел с точки зрения лет, непосредственно предшествовавших посылке экспедиции.

Угольная проблема Печорского края

Начиная с 1921 г. отряды Северной научно-промысловой экспедиции, созданной по решению Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ), вели целенаправленный поиск высококачественных углей в Печорском крае. Результаты этих работ позволили А.А. Чернову в 1924 г. сформулировать вывод о наличии огромного Печорского угольного бассейна [9, 10].

Руководящие хозяйственные органы Страны Советов очень серьёзно отнеслись к научному предвидению А.А. Чернова. Это был важный вывод, т. к. согласно данным Главного Геолого-Разведочного Управления ВСНХ в начале 1930-х гг. общая потребность в каменном угле Европейского Севера России составляла 43-45 млн. пудов, из них 1 млн. пудов поставлялся из Донбасса, а остальное количество закупалось в Англии и на Шпицбергене [11].

Однако в научных кругах предсказание А.А. Чернова встретило известное и вполне объяснимое недоверие. Сам ученый вспоминал: «...вы думаете, легко было доказать, что эти печорские угли имеют большое значение? Нет. Я помню, на первом заседании смеялись, что на Урале пермские угли. Нет таких. Там есть соль, гипс и т. д. По моему настоянию было созвано специальное совещание угольщиков, причем один очень почтенный специалист прямо заявил: «Вот чем нас заставляют заниматься, какими-то пермскими углями, которые не имеют никакой перспективы» [12, с.260].

Рис. 1. Александр Александрович Чернов, 1929 г. Фото Г.А. Чернова

Кроме того, сам А.А. Чернов видел лишь ограниченное применение найденным в 1920-х гг. углям на территории Печорского края: «Если бы в Печорском крае не оказалось углей более высокого качества, чем те угли, которые известны в настоящее время..., то *применение их рисуется в сравнительно ограниченных рамках* (выделено — Авт.). Уголь может пойти на развитие местной промышленности как горной, так и иной (лесное дело). Известная часть угля, может быть, выдержит недалёкий транспорт, тем более, что некоторые месторождения (в бассейне р. Косью) находятся на речных путях... Наконец, более крупное использование угля можно предвидеть в случае проведения по краю железнодорожного пути того или иного направления... Совершенно иные, можно сказать, необыкновенно обширные перспективы рисуются для применения печорских углей в том случае, *если среди них будут найдены хорошо коксующиеся угли с малым содержанием серы* (выделено — Авт.). Тогда у нас будет крупная база для развития металлургической промышленности на Северном Урале, и возникает крупный ввоз этого угля на Средний Урал, а также, может быть, и на весь север Европы» [13, с. 10].

Лишь открытие в 1930 г. Г.А. Черновым, работавшим в составе партии Н. Н. Иорданского, углей на р. Воркуте позволило А.А. Чернову подвести главный итог многолетних поисковых работ, что анализ этих углей дал исключительный результат как по их качеству, так и по однородности. Открытие воркутинских углей коренным образом изменило отношение учёных и государственной власти к Печорскому угольному бассейну: «Резкий перелом наступил с 1930 г., когда был открыт район Воркуты с его высококачественными углями. С тех пор, в сущности, не пришлось уже больше отстаивать значение бассейна» [14, с. 51-52]. Сразу же после обнаружения коксующихся углей на р. Воркуте и проведения их лабораторного испытания был организован ряд совещаний у заместителя председателя ВСНХ В.И. Межлаука с участием А.А. Чернова по проблеме промышленного освоения углей Печорского бассейна в ударном порядке [15].

20 апреля 1931 г. ВСНХ принял постановление «О развитии топливной базы в Северном крае», в котором предусматривалось заложить одну шахту в районе р. Воркуты и две-три в районе р. Адзъвы, чтобы в 1931 г. добыть в этих районах 7 тыс. т угля. Кроме того, в районе р. Нечи предполагалось заложить пробные угольные разрезы и добыть в 1931 г. здесь 2 тыс. т угля. Разведочные и добычные работы были возложены на Ухтинскую экспедицию ОГПУ. 24 апреля 1931 г. бюро Северного краевого комитета ВКП(б) приняло постановление «О форсировании разведочных работ и промышленной эксплуатации Печорских углей и нефти». 9 мая 1931 г. приказом начальника Ухтинской экспедиции ОГПУ Я.М. Мороза в ней была создана

угольная комиссия, утвердившая на своем заседании план добычи 9 тыс. т угля в 1931 г. и разработавшая мероприятия по переброске в районы рек Адзъвы, Нечи и Воркуты необходимой рабочей и тягловой силы, строительных материалов. Бюро Коми обкома ВКП(б) и президиум Коми облисполкома в мае-июне 1931 г. приняли соответствующие постановления по осуществлению директив центральных органов власти. 6 августа 1931 г. на правом берегу р. Воркуты была заложена первая угольная штольня. В 1931 г. Ухтинской экспедицией ОГПУ было добыто 9 884 т угля, что составило 108,9 % к плановому заданию [10].

Таким образом, к августу 1929 г. проблема нахождения высококачественных углей в Печорском крае еще не была решена и не могла служить причиной для развёртывания широкомасштабных промышленных работ.

Нефтяная проблема Ухты

Первые достоверные сведения о наличии нефти на р. Ухте относятся к концу XVII в. Известны попытки Ф.С. Прядунова, А.И. Нагавикова, М.С. Баженова, М.К. Сидорова, А.М. Галина, А.Г. Гансберга, Ю.А. Воронова, А.И. Абаковского и других предпринимателей организовать систематическую добычу нефти в Ухтинском районе, но создать рентабельное предприятие им не удалось [1].

Интерес к Печорскому краю у Советского правительства был инициирован с первых дней его существования. Страна переживала острый топливный голод. По распоряжению В.И. Ленина Особое совещание по топливу 29 ноября 1917 г. обратилось в Геологический комитет (Геолком) за информацией о возможности промышленной эксплуатации ухтинских нефтяных месторождений. В ответе комитета от 19 марта 1918 г. сообщалось: «В результате всех усилий по выяснению промышленного значения Ухтинского нефтеносного района можно утверждать, что при состоянии края, в каком он в данное время находится, удаленный от населённых центров и лишённый путей сообщения с ним, месторождение лишено какого бы то ни было промышленного значения» [1, с. 48].

В апреле 1918 г. была организована геологическая экспедиция в Ухтинский нефтеносный район, возглавляемая руководителем нефтяной секции Геолкома К.П. Калицким. В состав экспедиции вошли геолог А.А. Стоянов и горный инженер А.Д. Волкович. Летом экспедиция обследовала рр. Ухту, Седью, их притоки и верховье р. Вычегды. В декабре 1918 г. на заседании Геолкома был заслушан отчет К.П. Калицкого, давшего отрицательное заключение о возможности эксплуатации Ухтинского месторождения [1].

Топливный голод, охвативший Петроград, стал причиной отправки на Ухту ещё одной экспедиции в 1918 г. Она была организована правлением Путиловского завода. В состав экс-

педиции вошли: горный инженер А.И. Сермягин, горный техник А.Ф. Вайполин, член фабрично-заводского комитета М.В. Бурцев. Экспедиция достигла Варварьинского промысла на р. Ухте, взяла пробы нефти и вернулась, убедившись в невозможности немедленного получения нефти с Ухтинского месторождения [16].

В феврале 1919 г. геологоразведочный отдел Главнефти представил проект проведения разведочных работ в Ухтинском районе. Возглавили экспедицию управляющий делами геологоразведочного отдела Главнефти горный инженер А.И. Косыгин и геолог Геолкома А. А. Стоянов. В 1919 г. экспедиция двумя отрядами выехала из Петрограда и Москвы, но достичь Ухты ей не удалось — район был занят белыми. Проведя разведку горючих сланцев на р. Вымь, она вернулась [1].

Рис. 2. Участники экспедиции на р. Ухту в 1919 г.

В 1920-1930-е гг. интерес властных структур СССР к Печорскому краю был связан с поисками угля, а не нефти на его территории [1]. Оценивая имевшиеся сведения об ухтинской нефти, А.А. Чернов писал в 1926 г.: «В практическом отношении с достаточной определенностью выясняется как малое число нефтеносных горизонтов, так и слабая насыщенность их нефтью. Поэтому *промышленное значение района пока очень мало* (выделено — Авт.), тем более, что весь район находится в тяжелых экономических условиях (безлюдность и отрезанность края, отсутствие хороших путей сообщения и пр.)» [17, с. 8].

Интересно, что, когда в 1929 г. геолог Н.Н. Тихонович обосновывал место закладки первой поисково-разведочной скважины, забуренной Ухтинской экспедицией ОГПУ и давшей фонтан нефти (в первый день — около 4 т), то он подготовил письменные материалы,

обосновывавшие его точку зрения.

Эти материалы, переданные ОГПУ для экспертизы академику И.М. Губкину и профессору А.А. Чернову, получили положительную оценку первого и отрицательную — второго

Рис. 3. Академик И.М. Губкин

[18]. Это значит, что даже на теоретическом уровне взгляды ведущих ученых страны по вопросу ухтинской нефти были *диаметрально противоположными*.

Даже в апреле 1931 г., выступая на конференции по изучению производительных сил Северного края, А.А. Чернов заявил: «Я не буду говорить об Ухтинском районе, потому что он давно известен. О нём имеется много литературных сведений, и те новые данные, которые опубликованы в минувшем году особой экспедицией, работающей в районе Ухты, существенно нового не вносят. Есть новые скважины, одна скважина постоянно даёт нефть, но всё-таки *Ухтинский район не сулит нам большого количества нефти* (выделено — Авт.). Та скважина, которая в настоящее время эксплуатируется, даёт около 2 тонн нефти, но мы хотели бы считать эти тонны не единицами, а сотнями и тысячами. Есть ли для этого в Печорском крае какие-либо возможности? *В отношении нефти приходится быть более осторожным* (выделено — Авт.)» [15, с. 30].

Объёмы добычи нефти в Ухтинском районе в первые годы её промышленного освоения были невелики (в тыс. т): в 1929 г. — 0,005, в 1930 г. — 0,088, в 1931 — 0,250, в 1932 — 1,077. И перечень нефтяных месторождений тоже ограничивался первыми единицами: в 1930 г. было открыто Чибьюское месторождение, в 1932 г. — Ярегское [1]. Но даже эти достижения были результатом деятельности Ухтинской экспедиции, а не причиной её организации.

Таким образом, сама по себе ухтинская нефть не могла быть причиной для неотложного направления экспедиции на р. Ухту для начала здесь промышленно-добычных работ, хотя такая задача могла быть сформулирована перед руководством экспедиции. Известно, что в докладной записке Н.Н. Тихоновича, адресованной руководителю Ухтинской экспедиции и посвященной обоснованию места закладки первой скважины, есть следующая фраза: «Так как Ухтинская экспедиция имеет задание выяснить окончательно *вопрос о практической благонадёжности Ухтинского района*... (выделено — Авт.)» [19, с.71]. Этот вопрос был окончательно и положительно решён лишь в 1933 г. [9].

Проблема ухтинского радия

А.С. Гуменюк высказал мнение, что главной целью посылки экспедиции на р. Ухту было создание здесь радиевого производства, а разведка и добыча нефти, угля и гелия были лишь попутными задачами [2]. Известно, что в начале XX в. радий был самым дорогим и самым редким металлом в мире. К началу войны потребности СССР в радиии на ближайшие 15-20 лет оценивались в пределах 18-20 граммов в год [20]. По данным А.Е. Ферсмана, цена 1 мг чистого радия в 1934 г. составляла 45 долларов, но в ближайшие годы должна была упасть до 35 долларов и составить 70 тыс. золотых рублей за грамм [21].

Явление радиоактивности атомов урана было открыто Г. Беккерелем в 1896 г. В 1902 г. супруги П. и М. Кюри открыли радий путем переработки урановых руд из Иоакимсталя. В 1903 г. П. Кюри и Л. Лаборд выдвинули идею, что тепло, выделяющееся при распаде атомов, является неиссякаемым источником нагревания земной коры и реальным источником энергии для идущих в ней геологических процессов. Эта идея была поддержана и развита профессором минералогии и геологии Дублинского университета Дж. Джели в том же году.

Рис. 4. Академик В.И. Вернадский

В 1910 г. В. И. Вернадский выступил на заседании Академии наук в Петербурге с докладом «Проблемы дня в области радия», где обосновал *необходимость систематического изучения с геологической и минералогической точек зрения проявлений радиоактивности в природе*, что привело к созданию Радиевой комиссии в том же году [22]. В 1910 г. В.И. Вернадский выделил основные районы для выявления и изучения залежей радиоактивных элементов в Российской империи — Ферганская область, Урал и Кавказ. В 1911-1917 гг. экспедиции Академии наук работали на Урале, но промышленных залежей радиоактивных элементов не было найдено [4].

В 1918 г. была образована радиевая комиссия ВСНХ при Главхиме (руководитель Л.Я. Карпов, в ее состав входили В.Г. Хлопин, И.Я. Башилов, В.И. Глебова), с которой активно сотрудничал А.Е. Ферсман.

В марте 1918 г. в Академии наук под председательством Н.С. Курнакова состоялось совещание по вопросу радиевых исследований, на котором присутствовали А.П. Карпинский, Л.С. Коловрат-Чирвинский, В.Г. Хлопин и др. На нем А.Е. Ферсман доложил, что ВСНХ

предложил академии организовать завод для извлечения радия из сырья, секвестированного у «Ферганского акционерного общества для добычи редких металлов». А.Е. Ферсману поручили создать постоянную радиевую комиссию при КЕПСе (Комиссии по естественным производительным силам Академии наук). Так был создан Первый (специальный) отдел по редким элементам и радиоактивным веществам, председателем которого был назначен В. И. Вернадский, а его заместителем — А.Е. Ферсман. 16 апреля 1918 г. С.Ф. Ольденбург и А.Е. Ферсман известили Отдел химической промышленности ВСНХ о принципиальном согласии КЕПСа взять на себя организацию завода в Пермской губернии на базе Березниковского содового завода и лаборатории для извлечения радия из секвестированного сырья. В мае 1918 г. Первый отдел КЕПСа обратился в Совнарком с просьбой принять меры к немедленной эвакуации из Петрограда в Пермскую губернию радиоактивных сырьевых материалов и получил согласие на это [21].

Попытка организации опытного радиевого завода в п. Березники Пермской области на р. Каме была предпринята в 1918 г. Однако сложности гражданской войны этому помешали. Директором предприятия был Л.Н. Богоявленский [23].

Свою историю советская радиевая промышленность начала в мае 1920 г. в поселке Бондюга (ныне г. Менделеевск, Татарстан) на самом передовом по тем временам химическом заводе, ведшем свою историю с 1868 г. Заведующим завода был назначен И.Я. Башилов. Сюда из Туркестана баржами по р. Волге доставляли урановую руду.

Единственным поставщиком сырья в то время был Тюя-Муюнский уранованадиевый рудник, расположенный в северных предгорьях Алайского хребта, в 35 км к юго-западу от г. Ош (ныне территория Кыргызстана). Уран в здешних рудах был обнаружен в 1900 г. С 1907 по 1913 гг. месторождение эксплуатировалось частным «Ферганским акционерным обществом для добычи редких металлов», имевшим в Петербурге пробный завод по переработке этой руды. За этот период было добыто 820 т руды, из них 655 т было вывезено в Петербург и переработано на препарат урана и ванадия, который экспортировался в Германию, т. к. не находил сбыта в России. В 1914 г. на руднике работала Московская радиевая экспедиция, в состав которой входил А.А. Чернов. После революции запасы руды, подготовленные к добыче существующими выработками, были оценены в объеме 5 тыс. т, и рудник был передан для эксплуатации Бондюжскому заводу. В 1922 г. к руднику проявили интерес иностранцы, обратившиеся с соответствующим ходатайством в Концессионный комитет ВСНХ и получившие отказ [20].

В ноябре 1921 г. в Петрограде были образованы три научно-исследовательских учреждения (Радиевая лаборатория Академии наук, Радиевое отделение Государственного рентгеноло-

гического и радиологического института, Радиохимическая лаборатория), получавшие продукцию Бондюжского завода. В 1922 г. эти учреждения объединили в Радиевый институт под руководством академика В.И. Вернадского (ныне НПО «Радиевый институт им. В.Г. Хлопина»).

В декабре 1921 г. на заводе в Бондюге В.Г. Хлопиным были получены первые отечественные препараты радия, оцениваемые в 10 мг радия [Неизвестный Ферсман]. В 1923 г. здесь было налажено промышленное производство радия. Завод в Бондюге изготавливал радий до 1925 г. За это время было переработано 192 т урановой руды и получено 2,3 г радия. Предприятие в г. Менделеевске существует до сих пор — это ОАО «Химический завод им. Л.Я. Карпова».

Весной и осенью 1925 г. А.Е. Ферсман побывал в экспедициях на руднике Туя-Муюн в Туркмении. В сентябре 1925 г. А.Е. Ферсман и А.Н. Лабунцов ознакомились с урановыми месторождениями Карелии, обнаружив там богатые ураном соединения [21].

В апреле 1925 г. было созвано Первое Всесоюзное совещание по редким элементам [21]. С 1927 г. началась добыча руд Табошарского месторождения в Таджикистане, для которых И.Я. Башиловым были разработаны оригинальные методы выделения радия. В середине 1930-х гг. здесь был создан опытный радиевый завод.

Летом 1926 г. химиком А.А. Черепенниковым и научно-техническим сотрудником М. Н. Воробьевым, участниками экспедиции Геологического комитета, работавшей на территории Ухтинского нефтеносного района, была установлена высокая радиоактивность воды из скважины № 1 «Казенная», пробуренной в 1912 г. Измерения, выполненные Л.Н. Богоявленским и А.А. Черепенниковым в 1927 г. в Радиометрическом подотделе Института прикладной геофизики, показали необычно высокое содержание радия в водах этой скважины — $7,6 \times 10^{-9}$ г/л. Радий выщелачивался из метаморфических сланцев Среднего Тимана подземными водами, имевшими высокое содержание хлорида бария [20, 24].

Начальник Ухтинской экспедиции ОГПУ, а затем и Ухто-Печорского треста Я.М. Мороз позднее так обосновывал важность открытия ухтинского радия: «Внимание, которое привлекла скважина № 1 «Казённая», объясняется тем, что скважина давала фонтан этой воды 60 кубм в сутки, а это значит, что скважина выбрасывала ежегодно на поверхность почвы почти 0,2 грамма радия, т. е. с 1913 по 1929 гг. выбросила не менее 2,5 грамм радия. Значение последней цифры станет ясным, если указать, что за 30 лет со времени открытия радия, с 1899 года по 1929 год во всех странах вместе его было добыто не более 600 грамм»¹.

¹ Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми», фонд П-1, оп. 3, д. 460, л. 22-23.

Выдвигая предположение о «радиевой причине» направления Ухтинской экспедиции ОГПУ в 1929 г., его сторонники подразумевают вклад будущего ухтинского Водного промысла в Атомный проект нашей страны. Однако в конце 1920-х и начале 1930-х гг. возможность создания атомного оружия была только гипотетической. А сама атомная бомба в качестве ядерного взрывчатого вещества содержит не радий, а обогащённый плутоний.

31 марта 1934 г. академик А.Е. Ферсман направил из Карловых Вар Д.И. Щербакову, специалисту в области геологии и геохимии радионосных полезных ископаемых, сотруднику Геохимического института им. М.В. Ломоносова (позже Институт геохимии, минералогии и петрографии АН СССР), письмо о результатах осмотра радиевых (урановых) рудников Иоахимова вблизи Карлсбада. Ученый в послании отмечает направления использования радиоактивных материалов, которые существовали в мировой промышленности в те годы: уран для изготовления красок для стекольной и фарфоровой промышленности; ферроуран для металлургии (покупали заводы Круппа и Япония); просвечивание металлов; светящиеся составы; лечение водами и ваннами из радиоактивных источников; изучение вопросов воздействия радиации на организм человека [21].

Выступая на XVII Международном геологическом конгрессе в Москве в 1937 г., В.И. Вернадский вновь подчеркнул важность изучения природной радиоактивности с целью получения общего международного эталона геологического времени [22].

Таким образом, в то время *не шло даже речи об использовании атомной энергии*. До 1943 г. в СССР не велось никаких практических работ в области создания атомного оружия. Ещё до Великой Отечественной войны группа физиков-ядерщиков харьковского Института физико-технических исследований предлагала начать работы по созданию сверхмощного взрывного устройства, но не нашла поддержки ни в Наркомате обороны, ни в Государственной комиссии по военно-промышленным исследованиям. Тогда считалось, что создание такого оружия возможно теоретически, но вряд ли осуществимо на практике в ближайшие годы. Поэтому внимание было сосредоточено на отслеживании научных публикаций западных учёных по атомной проблеме. В мае 1942 г. Сталин получил письмо от будущего академика Г.Н. Флерова, который обратил внимание на отсутствие в зарубежной прессе с 1940 г. открытых научных публикаций по урановой проблеме, что могло свидетельствовать о начале работ на Западе над атомным оружием. Этот факт в совокупности с данными разведки привёл к тому, что 11 февраля 1943 г. Сталин подписал Постановление Правительства СССР об организации работ по использованию атомной энергии в военных целях [25, 26]. 1 декабря 1945 г. было принято решение о строительстве Плутониевого комбината.

Оценивая роль ухтинского радиевого промысла в п. Водный в истории нашей страны, следует учитывать, что до конца 1940-х гг. радий был единственным источником ионизированного излучения. Именно этот элемент сыграл основную роль в становлении отечественной атомной науки и техники. С его помощью были заложены фундаментальные основы радиохимии и физики атомного ядра, послужившие инструментом для разработки первой отечественной технологии выделения плутония из облучённого урана, обеспечившей промышленное получение плутония для создания атомной бомбы. Следовательно, ухтинский радий был необходим ведущим учёным страны для решения научных теоретических задач, но не мог быть главной причиной практического интереса властей СССР к недрам Печорского края.

Задачи индустриализации СССР

XVI съезд ВКП(б), прошедший 18-31 декабря 1925 г., дал директиву «держать курс на индустриализацию страны»². Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшийся 21-23 октября 1927 г., обсуждая директивы по составлению пятилетнего плана народного хозяйства, отметил: «В области новых производств должны быть развиты или поставлены заново: ... добыча радия (выделено — Авт.)»³. XV съезд ВКП(б) в декабре 1927 г. поручил ЦК партии продолжить неослабным темпом политику социалистической индустриализации и подтвердил цель инновационного развития страны: «В области новых производств должны быть развиты или поставлены заново: ... добыча радия»⁴.

XVI конференция ВКП(б), прошедшая 23-29 апреля 1929 г., единогласно приняла резолюцию «О пятилетнем плане развития народного хозяйства». В ней ничего не было сказано про нефть и радий, а в отношении каменного угля планировалось обеспечить более чем двукратный рост его добычи за пятилетку за счёт того, что планируется мощное шахтное строительство, как в Донбассе, так и на Урале, Кузбассе и Подмосковном бассейне. Про район Печоры или Коми АО в резолюции нет ни слова. А в отношении Урала позднее последовало разъяснение: «Индустриализация страны не может опираться только на одну южную угольно-металлургическую базу. Жизненно-необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири»⁵. Прошедший 10-17 ноября 1929 г. пленум ЦК ВКП(б) призвал принять все меры к

² ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1925-1939. М.: ОГИЗ, 1940. С. 49.

³ Там же. С. 200-201.

⁴ Там же. С. 225, 239.

⁵ Там же. С. 325, 417.

возможному увеличению продукции против намеченного плана, в частности — в области руды, угля-кокса.

Таким образом, в планах индустриализации СССР в годы первой пятилетки ничего не говорилось об освоении Печорского края, в отличие, например, от Донбасса, Кузбасса и других районов. Ставилась задача организовать добычу радия без уточнения региона этой добычи.

Усилия властей Коми по развитию экономического потенциала области в 1920-е гг.

Образованная в конце августа 1921 г. декретом ВЦИК Коми автономная область получила незавидное экономическое наследство, среди которого были три устаревших горно-металлургических завода и один сользавод. Прошедший в августе того же года первый областной съезд горнорабочих и металлистов столкнулся со следующей проблемой: «Перед съездом стал ребром вопрос: быть или не быть металлургическим заводам в Области, которые за время революции и гражданской войны значительно понизили производство и приносили государству убыток. Они не имели оборотных средств, т. к. все продукты производства 1920 года были без оплаты вывезены Северо-Двинским губсовнархозом» [27, с.5]. Сельское хозяйство в то время давало 94% всей продукции народного хозяйства области [28].

Известно, что в течение 1920-х гг. власти Коми АО неоднократно возбуждали перед различными центральными органами СССР ходатайства о направлении на территорию Печорского края геологоразведочных экспедиций для глубокого и комплексного изучения его недр [9, 6, 24].

Еще в апреле 1921 г. первым руководителем зырянского (Коми) представительства при Наркомнаце Д.А. Батиевым была высказана идея о разработке ухтинских недр силами заключённых. Он предложил организовать на р. Ухте огромный концентрационный лагерь и направить туда заключённых со всей России. Хотя предложение не было подкреплено никакими расчётами, тем не менее, Политбюро ЦК РКП(б), проходившее 20 апреля 1921 г., приняло специальное постановление об организации на р. Ухте такого лагеря на 10-20 тыс. человек, которое не было реализовано [29].

Рис. 5. Дмитрий Александрович Батиев

Активная позиция руководства Коми способствовала как проведению геологического изучения территории Печорского края, так и поддержанию внимания центральных властей страны к проблемам поиска ухтинской нефти и печорского угля. Были очевидные успехи и в

индустриализации края. Например, в 1932 г. удельный вес продукции промышленности в народном хозяйстве Коми составлял 63,5%, а в 1936 г. достиг 71,2%. Правда, ведущее место в промышленности Коми АССР в 1930-е гг. занимала лесозаготовка (свыше 84%) [30]

Начало ГУЛАГа

Есть мнение, что одной из побудительных причин начала освоения Печорского края послужило реформирование системы советских исправительно-трудовых учреждений в конце 1920-х гг. Государство не справлялось с затратами на содержание заключённых, численность которых составляла около 200 тыс. человек. Эта ситуация была констатирована Советским правительством 26 марта 1928 г. по докладу Наркомюста [1, 7]. В 1928 г. нарком юстиции Н.М. Янсон предложил использовать труд заключённых для резкого увеличения лесоэкспорта путем создания лесных лагерей на севере европейской части СССР, но этот проект был временно «заморожен» [31].

Совет Народных Комиссаров и ВЦИК в феврале 1929 г. предложили ОГПУ в качестве единовременной меры изолировать в концлагеря около 8 тысяч человек: воров, рецидивистов, уголовников, конокрадов и др. 13 апреля 1929 г. в Совнарком РСФСР была направлена докладная записка наркоматов юстиции, внутренних дел и ОГПУ, в которой обосновывалась необходимость перехода от существующей системы мест заключения к системе концлагерей, организованных по типу лагерей ОГПУ, куда предлагалось направить всех заключённых, осуждённых на срок от трёх лет и выше, для колонизации северных окраин и разработки природных богатств. Предлагалось поручить ОГПУ организовать концлагеря в районах Олонца (Карелия) и Ухты общей ёмкостью в 30 тыс. человек. При этом должно было произойти снижение затрат на содержание заключённых с 250 руб. в год на человека до 100 руб. [7].

13 мая 1929 г. постановление Политбюро ЦК ВКП(б) санкционировало переход на систему массового использования за плату труда заключённых, осуждённых на срок не менее трёх лет, в районе Ухты, Индиги и др. Была создана комиссия для определения условий использования труда заключённых. В состав комиссии вошли нарком юстиции РСФСР Н.М. Янсон (председатель комиссии), заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода, прокурор РСФСР Н. В. Крыленко, нарком внутренних дел РСФСР В. Н. Толмачев, нарком труда СССР Н.А. Угланов [31, 7].

15 мая 1929 г. состоялось первое заседание комиссии, на которое были приглашены член коллегий ОГПУ и НКВД Г.И. Бокий, особоуполномоченный при коллегии ОГПУ Фельдман и представитель прокуратуры РСФСР Траскович. Состоялся широкий обмен мнениями, которые значительно разнились друг от друга. Н.М. Янсон вновь заострил вопрос о лесных разработках на Севере, который можно было бы решить силами колонизации заключённых.

Г.Г. Ягода горячо поддержал создание северных лагерей: «Работая и получая минимально необходимое в зависимости от интенсивности труда, к концу 3-х и более лет отсидки заключённые накапливают пару сот рублей, с которыми они имеют возможность, выбывая из мест лишения свободы, устроить своё деревенское хозяйство или выждать получения работы в городе. Рядом мер, как административного, так и хозяйственного содействия освобожденным мы можем побудить их оставаться на Севере, тут же заселяя наши окраины» [31, с. 145]. Позднее, в 1930 г., Г.Г. Ягода подробнее раскрыл смысл освоения Севера заключёнными: «Вопрос о лагерях надо перевести на другие установки. Сейчас лагерь является только сборищем заключённых, труд которых мы используем на сегодняшний день, не давая перспективу заключённому, не давая её и себе... Надо превратить лагерь в колонизационные посёлки, не дожидаясь окончания срока заключения... Весь смысл передачи нам заключённых — это уничтожение тюрем... *Нам надо быстрее темпом колонизировать Север* (выделено — Авт.)» [31, с. 155]. На заседании Н.А. Угланов высказал мнение, что концлагеря должны быть предназначены только для неисправимых рецидивистов. Кроме того, организацию лагерей на 10 и более тысяч заключённых он считал делом трудновыполнимым. В.Н. Толмачев считал организацию лагеря на Ухте невозможным, т. к. туда трудно провести дорогу, и ОГПУ не справится со сложными хозяйственными задачами по организации такого лагеря. Он же высказал опасение, что создание лагерей вызовет политические последствия — в среде белой эмиграции и в буржуазных государствах пойдут разговоры о чекистских застенках. Н.В. Крыленко, напротив, не видел причин откладывать создание лагерей. Г.И. Бокий заявил, что ОГПУ готово взять на себя строительство спроектированной шоссейной дороги на Ухту, а также железной дороги Котлас — Усть-Сысольск. Он сказал: «НКПС не сможет выполнить этого в предположенные сроки, т. к. он не найдёт рабочих, а мы с этим справимся. Человек, прошедший через Соловки, это уже марка в смысле навыков к труду, ибо мы устанавливаем урочные задания, требуем строгого выполнения их, заранее учитывая возможности и способности заключённых» [31, с. 146]. В результате обмена мнениями постановили поручить ОГПУ приступить к организации концентрационного лагеря в районе Ухты и просить выделить на эти цели в текущем году 1 200 000 рублей [31].

Комиссия 17 мая 1929 г. направила докладную записку И.В. Сталину, в которой предложила поручить ОГПУ приступить к организации концентрационного лагеря в районе Ухты. Это предложение было утверждено постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 мая 1929 г. [31, 7]. 13 июня состоялось ещё одно заседание комиссии, на котором Н.М. Янсон сформулировал главную цель организации лагерей: «С точки зрения хозяйственной, *лагеря должны*

стать пионерами заселения новых районов путем применения дешёвого труда заключённых (выделено — Авт.). Поэтому вопросы технического оборудования — второстепенны; задача лагерей — прочистить путь к малонаселённым районам путем устройства дорог, изучения местностей, приступа к эксплуатации природных богатств. Если эти места окажутся в смысле эксплуатации интересными, они будут переданы органам промышленности (выделено — Авт.), а лагеря надо будет передвигать на новые места с теми же целями пионерства» [31, с. 151].

27 июня 1929 г. вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б), в одном из приложений к которому ОГПУ поручалось организовать на территории Ухты новый концентрационный лагерь в целях колонизации района и эксплуатации природных богатств путём применения труда заключённых. Это поручение было продублировано постановлением Совнаркома СССР от 11 июля 1929 г. [31, 7]. Таким образом, санкция на организацию концлагеря в районе Ухты была получена от высшего руководства Страны Советов. Правда, чем был обоснован первоочередной выбор именно Ухты, из документов не ясно.

Роль А.А. Чернова и Н.Н. Тихоновича в организации Ухтинской экспедиции

В литературе имеются сведения, что 9 января 1929 г. «А.А. Чернов и А.Ф. Лебедев сделали в Правительстве доклад об углях и нефти Печоры» [6, с. 111], явившийся основанием для возникновения острого интереса руководства СССР к Печорскому краю вообще и Ухтинскому району в частности. В одном из исследований сообщается: «Ещё 9 января 1929 г. А.А. Чернов и А.Ф. Лебедев сделали доклад у члена коллегии ОГПУ Бокия об углях и нефти Печорского бассейна. В результате их сообщений весной того же года была направлена на р. Ухту специальная экспедиция, которая занялась разведочными работами на нефть и уголь» [32, с.13]. Правда, такого рода сведения приводятся без каких-либо ссылок на их источник. Сам А.А. Чернов никогда не ставил себе в заслугу организацию и направление экспедиции на р. Ухту.

Согласно данным Национального архива Республики Коми, 26 июня 1929 г. А.А. Чернов сделал доклад о геологических исследованиях Печорского края на расширенном заседании исполкома Коми автономной области. Подводя итог многолетним изысканиям в Печорском крае, учёный сообщил: «Во всяком случае, запасы угля здесь колоссальны, но ограниченность в средствах, отпускаемых Геологическим комитетом, не позволяли развернуть исследовательские работы в более широком масштабе» [10, с. 30]. Далее в протоколе заседания отмечено: «Ориентировочные подсчёты геолога Лебедева по использованию печорского угля для нужд транспорта (речного, морского и железнодорожного) привлекли большое внимание Геолкома и других центральных учреждений и организаций на скорейшее

обследование Печорского района в целях определения качества углей. Главгортоп высказал свое мнение о производстве в будущем же году глубокого бурения, для чего указал на необходимость ассигнования 2 000 000 руб. Такую *поспешность т. Чернов не одобряет* (выделено — *Авт.*), так как печорские угли требуют серьёзного обследования и особенно в смысле качества, чтобы определить возможность применения каменного угля в той или иной отрасли народного хозяйства» [10, с. 30 - 31].

Даже в апреле 1931 г., выступая в Архангельске на Второй конференции по изучению производительных сил Северного края, А.А. Чернов заявил: «...сейчас печорский уголь ставится для разработки в ударном порядке, хотя мы — научные и практические деятели — предлагали бы несколько *это дело отсрочить* (выделено — *Авт.*), потому что оно может завести нас в неприятное положение. У нас нет полей, подготовленных для эксплуатации, а постановка такая — добывать сейчас. Те инженеры (я к ним не принадлежу, но я был с ними на совещаниях в ВСНХ), которые занимались разведкой печорских углей, как инж. Матвеев, инж. Лебедев, предлагали для пробной добычи в 1931 году разные количества: инж. Лебедев предлагает ориентироваться на 2000 т, инж. Матвеев, из большей предосторожности, предлагает добыть 500 т. Но совещании в ВСНХ у тов. Межлаука задание было увеличено до 10 тыс. тонн с предложением взять их в трёх районах. Как во всяком новом и крупном деле, здесь приходится идти на известный риск. Три района, намеченные для добычи на заседании у тов. Межлаука, находятся на Адзье, Нече и Воркуте» [15, с. 27]. Правда, учёный принимал решения органов власти как руководство к действию, с которым спорить бесполезно: «...темпы нашего строительства требуют этого. Они диктуют нам ускорение и самих разведок, и эксплуатации, и по этому вопросу у нас есть *директива* (выделено — *Авт.*) о том, чтобы вступить на путь эксплуатации угля» [15, с. 16].

26 июня 1929 г. А.А. Чернов выступил с докладом на заседании представителей различных учреждений в Коми облисполкоме, где заявил, что «*присутствие больших запасов нефти на Ухте* в исследованном участке, где нефть выходит сама на поверхность земли, *сомнительно*» [19, с. 63].

Начальник геологической службы Ухтинской экспедиции ОГПУ, а позднее Утхпечлага и Ухто-Печорского треста, Н.Н. Тихонович (рис. 6), бывший помощником директора Геологического комитета, был арестован 18 ноября 1928 г. по обвинению в шпионаже и экономический контрреволюции и заключен в Бутырскую тюрьму. Его обвиняли в представлении заведомо заниженных данных о запасах нефти в Грозненском районе, направлении разведок в те районы, где нефть отсутствовала, поддержке связей с бывшими нефтяниками и

шпионаже [18]. Учёный был приговорён в высшей мере наказания, заменённой на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Позже он вспоминал обстоятельства подготовки экспедиции

Рис. 6. Николай Николаевич Тихонович

на р. Ухту: «Сговор начался в следственных органах. Мне был предложен вопрос: «Что представляет из себя Ухта?» *Об Ухте литература неблагоприятная* (выделено — Авт.), за ней я в последние годы не следил. Когда-то я был здесь (в 1900 и 1901 гг. — Авт.), но что там было в последнее время? Были какие-то скважины. «Дайте мне материал, — отвечаю, — я скажу». Материал был доставлен. Я посмотрел, написал доклад и высказал положение, что поскольку опровергается теория Чернышева, это является настолько крупным фактором, что пересмотреть есть смысл. Нефть обнаружили очень далеко (имеются в виду скважины Русского товарищества «Нефть», забуренные в 1914-1916 гг. в районе р. Чибью, левого притока р. Ухты — Авт.), по теории Чернышева там нефти не могло быть — это надо проверить. Я мыслю экспедицию человек в 100, партию географов, топографов, буровой станок легкий. *Осмотреть, а там посмотрим, что будет* (выделено — Авт.).

Разговор возник в апреле месяце (имеется в виду 1929 г. — Авт.). Я был приглашён на собрание неизвестных мне людей, человек восемь. Мне поставили вопрос ребром: как ехать на Ухту? Какие вещи брать? Какое снаряжение, сколько провизии и т.д.? Я написал им маршрут и о снабжении. Я написал, что надо туда везти всё — до последнего гвоздя. Указал два пути: старый путь и морской путь — там можно везти более тяжелые грузы, хотя и трудно подавать их по Ижме. В количестве 195 человек мы экспедицию сконструировали. Буровой инструмент я подобрать не взялся. От своего следователя я услышал, что на Ухту ассигнованы крупные средства и что я еду туда. У меня душа упала. *Этот район казался мне почти что безнадежным* (выделено — Авт.)» [33, 7].

По другим данным, Н.Н. Тихоновичу от лица члена Президиума ЦИК СССР С.В. Косиора первоначально был предложен выбор: лагерь в Казахстане или в Ухте. Однако ответ был практически предрешен без учёта мнения ученого в пользу Ухты [33]. Даже прибыв на Ухту и готовя докладную записку начальнику Ухтинской экспедиции о месте закладки первой скважины, 23 ноября 1929 г. Н. Н. Тихонович отмечает: «...практическая благонадёжность района до сих пор не установлена (выделено — Авт.), хотя бы для какой-либо его части» [19, с.

71]. Таким образом, мнение Н. Н. Тихоновича, очевидно, сыграло решающую роль в выборе места отправки экспедиции — на р. Ухту. Хотя сам учёный считал этот район малоперспективным для организации неотложной нефтедобычи, но нуждающимся в геологическом изучении и проверке ранее полученных результатов бурения. А.А. Чернов был сторонником осторожного подхода и не торопил события, но считал бессмысленным возражать против ускоренных темпов промышленного освоения Печорского края.

Краткая история Ухтинской экспедиции ОГПУ (1929-1931 гг.)

Организацию экспедиции поручили Управлению Северных лагерей особого назначения (УСЕВЛОНу) в г. Кемь. В мае 1929 г. в Соловецкий лагерь были направлены бывший начальник охраны Смольного и Кремля Э.П. Ская (он стал начальником конвоя экспедиции) и С.Ф. Сидоров, назначенный начальником экспедиции, для отбора в пересыльном лагере г. Кеми будущих участников экспедиции.

5 июля 1929 г. 139 человек и оборудование погрузили на пароход «Глеб Бокий», который на рассвете следующего дня отошел от Кемской пристани. В Архангельске 8 июля людей, продовольствие и оборудование перегрузили на ледокольный пароход «Умба», который 9 июля вышел в Белое море. 13 июля прибыли в устье р. Печоры, на место будущего Нарьян-Мара. Перегрузившись на баржи, экспедиция продолжила путь вверх по реке до с. Щельяюр, затем вверх по р. Ижме, ведя на бечеве лодки. Экспедиция была разбита на «дивизионы». Каждый «дивизион» тащил бечевой одну лодку, груженную оборудованием и продовольствием. 19 августа прибыли в с. Усть-Ухта. К месту назначения 21 августа добрались 125 человек: часть заключённых сбежала по дороге, несколько вольнонаёмных было уволено, а геолог М. П. Липовский был убит сбежавшим заключённым.

Рис. 7. Яков Моисеевич Мороз

13 октября 1929 г. на Ухту прибыл геолог Н.Н. Тихонович, а 30 октября — второй отряд экспедиции, возглавляемый Я.М. Морозом. 2 ноября 1929 г. он вступил в обязанности руководителя Ухтинской экспедиции [34]. Уже в 1929 г. из старых скважин экспедицией было добыто 5 т нефти. В апреле 1930 г. была забурена новая скважина № 5, из которой в октябре с глубины 338,7 м стала самопереливом поступать нефть. Так было открыто Чибьюское месторождение лёгкой нефти, положившее начало развитию нефтяной промышленности Коми. В 1930 г. на нем было добыто 88 т нефти, в 1931 г. - 250 т, в 1932 г. — 1070 т.

В 1938 г. Центральная комиссия по запасам утвердила запасы месторождения в количестве 1,6 млн. т. За весь период эксплуатации до 1957 г. на нем было добыто 560 тыс. т нефти.

В апреле 1931 г. состоялось несколько заседаний специальной комиссии, созданной при Совете Труда и Оборона и возглавляемой заместителем председателя ВСНХ СССР В.И. Межлауком. В заседаниях приняли участие представители ОГПУ, Союзнефти, Главного геологоразведочного управления, Наркомвода, Северного края, Коми автономной области и др. Были одобрены результаты работ Ухтинской экспедиции ОГПУ [34]. 6 июня 1931 г. Ухтинская экспедиция была преобразована в Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь [19]. 16 ноября 1932 г. постановлением Совета Труда и Оборона на базе лагеря был создан Ухто-Печорский трест [7].

Заключение

Таким образом, в конце 1920-х гг. отсутствовали объективные причины для немедленного вовлечения в промышленный оборот ряда полезных ископаемых Печорского края (угля, нефти, радия): они были слабо разведаны, нуждались в дополнительных исследованиях и находились в столь отдалённых и не обеспеченных транспортными путями районах, что ученые и специалисты не ставили задачу их первоочередного освоения. Исследования ухтинской нефти и печорских углей находились на стадии поиска, а ухтинский радий был предметом хоть и живейшего, но научного, а не утилитарно-практического (например, военного) интереса.

Главной причиной посылки экспедиции ОГПУ в 1929 г. на р. Ухту было осуществление поручения центральных органов власти СССР о создании нового большого концентрационного лагеря в этом районе. Решение о создании лагеря было принято в результате обсуждения вариантов модернизации системы уголовно-исправительных учреждений страны и принятия решения об использовании труда заключённых для колонизации северных районов СССР и освоения природных богатств этих районов. Причём сама колонизация была приоритетной задачей по сравнению с вопросами создания предприятий, предназначенных для освоения ресурсов региона.

Вероятно, выбор Ухты как первоочередного пункта для организации лагеря и посылки туда экспедиции ОГПУ был сделан под влиянием авторитетного заключения Н.Н. Тихоновича о возможности пересмотра нефтяных перспектив Ухтинского района. Возможно, сыграло роль мнение высокопоставленного сотрудника ОГПУ Г.Г. Бокия, в своё время учившегося в Горном институте и способного оценить выводы Н.Н. Тихоновича.

Возможно, что одним из поводов посылки экспедиции в район Ухты послужил следующий факт. В апреле 1929 г. из скважины близ Чусовских Городков (Пермская область), пробуренной для разведки калийных солей, неожиданно ударил нефтяной фонтан, положивший начало развитию Волго-Уральской нефтегазоносной провинции и вновь возродивший внимание центральных учреждений СССР к проблеме нефтеносности Печорского края [24, 19].

Конечно, в выборе Ухты сыграли свою роль и такие факторы, влиявшие на освоение северных регионов нашей страны, как авторитарность и специфика структуры государственной власти СССР, позволявшие принимать важнейшие решения по вопросам политики и экономики узким кругом лиц [35]. Известно, что многие решения по освоению Севера имели гриф «совершенно секретно». Поэтому неудивительно, что в декабре 1933 г. М.И. Калинин с трибуны IV сессии ВЦИК заявил: «У нас слишком мало знают о той работе, которая проделана на Печоре по разработке угля и других ископаемых. Несомненно, в ближайшие годы проблема освоения Печоры встанет во всем своем величии и результаты, вероятно, будут большими, чем мы сейчас ожидаем» [36, с. 40].

Действительно, шла огромная работа по освоению Печорского края, давшая к тому времени уже очевидные и значительные результаты, а о ней почти ничего не было известно. Лишь 3 февраля 1934 г. председатель Госплана СССР В.В. Куйбышев, выступая с докладом о втором пятилетнем плане на XVII съезде ВКП(б), открыто сообщил собравшимся делегатам: «Одной из крупнейших проблем Северного края, к разрешению которой будет приступлено во втором пятилетии, является развитие угольных и нефтяных месторождений бассейна реки Печоры, что позволит обеспечить высококалорийным топливом Северный морской флот, промышленность Мурманского округа и Северного края» [10, с. 42].

Правда, некоторые очень скудные сведения о результатах работ в Печорском крае были приведены в отчете Госплана СССР по итогам первой пятилетки. В разделе «Топливо» было отмечено: «Введён в эксплуатацию целый ряд новых месторождений угля, в том числе крупный Карагандинский бассейн, Букачачинское месторождение, Ткварчельское, Печорские угли, украинские бурые угли и ряд других»⁶. По ухтинскую нефть не было сообщено ничего. Подробно остановившись в своем отчете на развитии многих национальных республик и областей в составе СССР, Госплан счел необходимым мельком упомянуть и Коми автономную область: «Громадные успехи в деле хозяйственного строительства достигнуты и в других республиках и областях Советского Союза — в Карелии, в области Коми, в национальных об-

⁶ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. Л.-М.: Гос. изд-во «Стандартизация и рационализация», 1933. С. 94.

ластях и республиках Северного Кавказа, в Каракалпакии, Ойроти, Хакасии, Горной Шории и др.»⁷.

Создается впечатление, что посылка экспедиции на Ухту была тайной и для местных властей, с которыми, видимо, не считали нужным обсуждать этот вопрос. Председатель Коми облизполкома И.Г. Коюшев, выступая 5 июля 1929 г. на собрании коммунистов и комсомольцев г. Усть-Сысольска, сообщил: «По сведениям проф. Чернова, по морю на Ухту в этом году направляется большая экспедиция (около 150 человек) для глубокой всесторонней разведки на нефть» [24, с. 35]. Это означает, что руководитель Коми узнал об экспедиции от учёного. При этом известно, что 26 июня 1929 г. А.А. Чернов сделал доклад о геологических исследованиях Печорского края в 1929 г. на расширенном заседании представителей различных учреждений в Коми облизполкоме, где сообщил о направлении в Печорский край трех разведочных партий — на р. Ижму, в Усть-Вою, на Малую и Большую Кожву, но ничего не говорил о многочисленной экспедиции на р. Ухту [19].

Обращает на себя внимание и следующая специфика освоения Севера в те годы — не широкомасштабное, охватывающее значительные территории, а «очаговое» решение вопросов колонизации отдалённых районов [37]. Ухта в этом смысле — типичный пример такого решения. В последующие годы этот «очаг» дал свои «искры», которые зажгли «очаги» Яреги, Водного промысла, Еджыд-Кырты и Воркуты.

Аналогично Ухте возник на Кольском полуострове горно-химический трест «Апатит». У Коми АССР и Кольского полуострова есть поразительные аналогии, как по времени, так и по стремительности возникновения индустриальных очагов. С июня по октябрь 1929 г. шло строительство 27-километровой грунтовой дороги от Апатитового поселка до железнодорожной ветки Ленинград — Мурманск силами партии заключенных УСЛОНа, присланной с Соловецких островов. В августе 1929 г. первая геологическая скважина на Апатитовой горе дала керн с богатым содержанием апатита в интервале от 30-го до 200-го метра, что позволило оценить запасы руды в миллиард тонн. В ноябре 1929 г. был создан трест «Апатит» для добычи и переработки апатитовой руды [38].

Кроме того, в июле 1929 г. к Земле Франца-Иосифа была отправлена экспедиция на ледокольном пароходе «Г.Седов» под руководством О.Ю. Шмидта. На о.Гукера прошла торжественная церемония поднятия флага СССР, что означало исполнение декрета ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. о присоединении архипелага к СССР [39].

⁷ Там же. С. 245.

17 июля 1930 г. в бухту Варнека (о. Вайгач) прибыл ледокол «А.Сибиряков» с первой группой чекистов и заключенных Вайгачской экспедиции ОГПУ, которую возглавлял Ф.И. Эйхманс. Через несколько дней новую партию заключенных доставили ледокол «Малыгин» и пароходы «Глеб Бокий» и «Мятель». Так начались работы по добыче свинцовой руды на о. Вайгач. 23 июля 1930 г. был подготовлен приказ № 1 за подписью Ф.И. Эйхманса: «Образованную на основании Постановления СНК СССР и непосредственного распоряжения Объединённого Государственного Политического Управления Вайгачскую экспедицию ОГПУ считать сего дня прибывшей на место и приступившей к работе... По согласованию с руководящим составом ОГПУ объявляю, что все заключенные Вайгачской экспедиции будут пользоваться исключительными льготами и преимуществами при применении не только досрочного освобождения, но и после освобождения каждому заключенному будут предоставлены средства и возможности для дальнейшей жизни с одновременным снятием как всех прежних, так и последней судимостей, если они этого заслужат своей работой и искренним желанием идти в ногу с трудовым населением Советского государства» [40, с. 286].

11 ноября 1931 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О Колыме», в котором ставилась следующая задача: «Для форсирования разработки золотодобычи в верховьях Колымы образовать специальный трест с непосредственным подчинением ЦК ВКП(б)» [41, с.7]. 13 ноября 1931 г. было принято постановление Совета Труда и Оборона об организации Государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы — «Дальстроя» [10].

23 июня 1935 г. появилось постановление СНК СССР «О строительстве Норильского комбината», в котором добыча никеля и строительство комбината мощностью 10 тыс. тонн никеля в год возлагались на Главное управление лагерями [10].

«Очаговость» освоения Севера была главным принципом политики СССР в 1930 гг. На первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил, которая проходила в Москве осенью 1932 г., председатель Госплана СССР В.И. Межлаук заявил, что государство придает большое значение решению проблем Севера. Группа Севера при Госплане СССР под руководством С.В. Славина подготовила концепцию социалистического освоения Севера, которая была озвучена на конференции и стала основой для принятия правительственных решений по Северу в 1930-е гг. Одним из важнейших принципиальных положений концепции являлось следующее: освоение Севера должно пока иметь ограниченный характер в связи с трудностями продвижения в северные районы и удорожанием здесь работ, на Севере необходимо строить только те предприятия, которые вызываются самой настоятель-

ной необходимостью и не могут быть построены в других районах с большей эффективностью и наименьшими затратами [42].

Точечный или «очаговый» принцип освоения Севера был изложен и в речи начальника Главного управления Северного морского пути О.Ю. Шмидта на VII Всесоюзном съезде Советов в 1935 г.: «В царское время не было никаких надежд на развитие экономики Севера... В царское время понятия не имели о минеральных богатствах Севера. А сейчас мы знаем, что в огромном числе точек имеются полиметаллические руды, имеется уголь, достаточный для развития хозяйства на Севере, и производится уже бурение на нефть» [41, с. 163].

Поручение задачи освоения Севера органам ОГПУ, очевидно, обуславливалось способностью этой организации быстро и результативно решать сложные проблемы, в т. ч. проблему трудовых ресурсов. Обычными, не принудительными методами эта проблема не решалась. Например, А.А. Чернов в 1931 г. писал: «...теперь, когда мы реально ставим не только усиленную разведку печорского угля, но уже и добычу его, вопрос — откуда взять рабочую силу — является для нас крайне важным и довольно трудно разрешимым. На совещании в ВСНХ пришлось остановиться на том, чтобы брать квалифицированных рабочих из Донбасса, из Подмосковного бассейна, несмотря на то, что там эти рабочие тоже нужны для добычи угля» [15, с. 23]. ОГПУ необходимую рабочую силу нашло.

С методами работы ОГПУ было согласно партийное руководство Северного края, о чем свидетельствует письмо первого секретаря Северного крайкома ВКП(б) С.А. Бергавинова, направленное в 1929 г. под грифом «совершенно секретно» и «вернуть через 24 часа» секретарям сельрайкомов, горкомов, Ненецкого окружкома и Коми обкома: «Сейчас из высланных кулацких семей в крае находится не одна сотня тысяч душ. Это огромное количество наших врагов, и врагов вконец озлобленных, т.е. это такая масса, которая: может стать огромным трудовым и хозяйственным фактором в развитии производительных сил края, и фактором политических осложнений в крае, значение которых выйдет за пределы края. Всё это зависит от нас, от нашей работы и внимания к этому величайшему в истории партии политическому делу... Партийные организации должны твёрдо усвоить, что это мероприятие, помимо политического значения для партии, является прямой хозяйственной выгодой и для страны, и для края, ибо *этим самым мы разрешаем колониционный вопрос* (выделено — Авт.), изживаем острый дефицит в рабочей силе и осваиваем новые районы на Севере» [8, с. 41].

Литература

1. Большая нефть Тимано-Печоры / Н.Н. Герасимов, Н.В. Мельникова, А.А. Иевлев, Н.Н. Тимонина. Сыктывкар, 2009. 384 с.
2. Гуменюк А.С. Тимано-Уральский треугольник. Сыктывкар, 2005. 518 с.
3. История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. / Под общ. ред. И.Л. Жеребцова, А.А. Попова, А.Ф. Сметанина. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. 688 с.
4. Малкова Т.А. Научные исследования территории Республики Коми в первой половине XX века (1901-1945 гг.). Сыктывкар, 2008. 180 с.
5. Маркова Е.В., Войновская К.К. Константин Генрихович Войновский Кригер. М.: Наука, 2001. 144 с.
6. Нефтегазоносность и геолого-геофизическая изученность Тимано-Печорской провинции: история, современность, перспективы / Пред. ред. совета Ю.А. Спиридонов. Ухта, 1999. 1062 с.
7. Покаяние: Мартиролог. Т. 8. Ч. 1 / Сост. Е.А. Зеленская, М.Б. Рогачев. Сыктывкар, 2005. 912 с.
8. Толкачев В.Ф. Дороги к нефти. Архангельск, 2000. 608 с.
9. Иевлев А.А., Асхабов А.М. Предыстория образования Института геологии Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2013. 92 с.
10. Угольная сокровищница Севера / Пред. ред. коллегии Н.П. Зашихин. Сыктывкар, 1984. 312 с.
11. Волков М.С. Ископаемые угли бассейна р. Печоры. М.-Л.: Геологическое издательство ГГРУ, 1931. 30 с. (Труды Главного Геолого-Разведочного Управления ВСНХ СССР. Вып. 18).
12. Материалы совещания по итогам геологических и геологоразведочных работ, проведенных различными организациями на территории Коми АССР за период 1948-1953 гг. / Отв. ред. А.А. Чернов. Сыктывкар, 1955. 403 с.
13. Чернов А.А. Каменный уголь // Коми му — Зырянский край. 1926. № 6. С. 3-12.
14. Чернов А.А. Полезные ископаемые Печорского края с Пай-Хоем, Вайгачем и Южным островом Новой Земли. Архангельск, 1935. 59 с.
15. Чернов А.А. Геологическая съемка Печорского края и проблема его недр // Материалы Второй конференции по изучению производительных сил Северного края. Том первый. Недр. Архангельск: Северное краевое изд-во, 1933. С. 16-36.
16. Историко-культурный атлас г. Ухты / Ред.-сост. И.Д. Воронцова. Ухта: Изд-во «Титул», 2009. 508 с.
17. Чернов А.А. Полезные ископаемые Печорского края. М., 1926. 50 с. (Тр. Института по изучению Севера. Вып. 35).
18. Гараевская И.А. Геолог Николай Николаевич Тихонович (1872-1952). М.: Изд. Центр РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2009. 56 с.
19. Нефть и газ Коми АССР / Отв. ред. Ю.А. Спиридонов. Сыктывкар, 1989. 288 с.
20. Иевлев А.А. Радиевый завод. - В кн.: Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар, 2010. Т.9. Ч. 2. С. 187-207.
21. Неизвестный Ферсман / Гл. ред. М.И. Новгородова. М.: ЭКОСТ, 2003. 248 с.

22. Вернадский В.И. О значении радиогеологии для современной геологии // Труды XVII сессии Международного Геологического конгресса. Т. 1. М.: ГОНТИ, 1939. С. 215-239.
23. Жуковский В.М. Становление радиохимического производства в России // Вестник Уральского отделения РАН. 2003. № 3(5). С. 58-71.
24. Нефть и газ Коми АССР / Отв. ред. Н.Н. Кочурин. Сыктывкар, 1979. 264 с.
25. Иевлев А.А. Когда еще не было секретов (Из истории радиевого промысла в п. Водный) // Вестник Института геологии Коми НЦ УрО РАН. 2006. № 7. С. 19-22.
26. Судоплатов П.А. Спецоперации: Лубянка и Кремль 1930-1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 688 с.
27. Коковин Ф. Роль Р.К.П. (Б-в) в деле восстановления промышленности в Коми области // Вестник Коми (Зырянского) Областного комитета РКП(б). 1922. № 1. С. 5-7.
28. Атлас Республики Коми / Отв. ред. Ю.В. Лисин. М.: Феория, 2011. 448 с.
29. Кочурин Н.Н. Записки постпреда. М.: Изд-во «ПИК», 2006. 240 с.
30. Промышленность Коми АССР / Сост. С.К. Забоев. Сыктывкар, 1939. 19 с.
31. Красильников С.А. Рождение ГУЛАГа: дискуссии в верхних эшелонах власти // Исторический архив. 1997. № 4. С. 142-156.
32. Александр Александрович Чернов / Отв. ред. Н.П. Юшкин. С.-Петербург: Наука, 1995. 255 с.
33. Н.Н. Тихонович: Как это было / Сост. А. Козулин // Ухта. 14 февраля 1992.
34. Канева А.Н. Ухтпечлаг: страницы истории // Покаяние. Мартиролог. Т. 8. Ч. 1. Сыктывкар, 2005. С. 77-146.
35. Тимошенко А.И. Проекты территориально-производственных комплексов в Арктике: советский опыт и современность // Арктика и Север. 2012. № 9. С. 140-152.
36. Шишкин Н.И. Печорский промышленный район. Сыктывкар, 1947. 58 с.
37. Тимошенко А.И. Российская региональная политика в Арктике в XX–XXI вв.: проблемы стратегической преемственности // Арктика и Север. 2011. № 4. С. 15–27.
38. Ковалевский В.К. Цена Хибиногорска // Хибиногорск. Память сердца. Апатиты: ООО «Апатит-Медиа», 2012. 360 с.
39. Земля Франца-Иосифа / Под общ. ред. П.В. Боярского. М.: Изд-во «Paulsen», 2013. 680 с.
40. Канев Ю.В. Вайгачский транзит. Нарьян-Мар, 2008. 320 с.
41. «Враги народа» за Полярным кругом / Под ред. А.Н. Земцова. М.: Изд-во «Paulsen», 2010. 432 с.
42. Тимошенко А.И. Советский опыт мобилизационных решений в освоении Арктики и Северного морского пути в 1930-1950-е гг. // Арктика и Север. 2013. № 13. С. 150-168.

*Рецензент: Соколова Флёра Харисовна,
доктор исторических наук, профессор*